

Е. В. Дзюба, А. В. Цыганкова
Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ:
ПРАКТИКА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТАКТИК В ГЛОБАЛЬНЫХ СМИ**

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на монографию А. Б. Бушева «Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация» (Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. — 383 с.). Предметом данного монографического исследования является специфика дискурсивных характеристик текстов глобальных СМИ, а также воздействующий потенциал языковых и риторических приемов, актуальных в следующих видах медиадискурса: политическом (в том числе электоральном, протестном, оппозиционном, террористическом, дискурсе постконфликтного урегулирования), экономическом и межкультурном (межэтническом и межконфессиональном). Основным методом, позволяющим вскрыть воздействующий (в частности, манипулятивный) потенциал стратегий и тактик современных глобальных массмедиа, по мнению А. Б. Бушева, является критический дискурс-анализ. Данный метод позволил исследователю выявить наиболее частотные приемы, обладающие воздействующим потенциалом. Среди таковых автор монографии выделяет «стереотипию», создаваемую растраживаемыми штампами, клише, избитыми метафорами и эпитетами, эвфемизацию и перифразировку, направленные на смягчение или усиление оценочной коннотации, прием лексической интерпретации, вуалирование смысла за счет неясности или дефинитивной сложности терминов и специальной (особенно экономической) лексики и мн. др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: критический дискурс-анализ; глобальный медиадискурс; языковые и риторические приемы манипулирования; политический дискурс; экономический дискурс; межкультурный дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 285; e-mail: elenacz@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Цыганкова Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методик преподавания школьных дисциплин в специальной (коррекционной) школе; Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 116; e-mail: usrumpsd@mail.ru.

Проблема критического подхода к информации, воздействующей на сознание современного человека со стороны глобальных массмедиа, вне всякого сомнения, является чрезвычайно актуальной на сегодняшний день. Одним из продуктивных и потому перспективных методов, обеспечивающих именно критический подход к анализу текстов СМИ, является метод критического дискурсивного анализа. В этом концептуально-методологическом поле выполнено исследование А. Б. Бушева «Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация». Исследователь ставит перед собой масштабную задачу — показать значимость современных методов исследования (прежде всего метода критического дискурсивного анализа) при рассмотрении наиболее актуальных видов дискурса: электорального, экономического, военно-политического, протестного, межконфессионального, межэтнического, а также дискурса терроризма и дискурса постконфликтного урегулирования (стр. 5).

Отправной точкой для такого масштабного исследования становится предложенное в первой главе монографии описание специфических признаков современных СМИ (гипертекстовость, мультимедийность, интерактивность, трансграничность — стр. 9) и определение сущности современной журналистики как вида деятельности (стр. 15—26). Исследователь декларирует важное отличие журналистики от пропаганды и марке-

тинговой коммуникации, которое заключается в наличии особой, независимой гражданской позиции «профессиональных коммуникаторов». Вряд ли можно возразить мнению, высказанному А. Б. Бушевым, что настоящий журналист как «социально ответственный автор» должен отличаться гражданским самосознанием, человеческим неравнодушием, чувством сопричастности, которые не противоречат требованиям объективности и даже отстраненности журналиста, а также критичности восприятия всего окружающего.

Следующим этапом исследования является обзор направлений изучения политической коммуникации. Автор монографии поражает читателя исследовательской эрудицией при упоминании многочисленных актуальных для данной проблематики работ, начиная с античной риторики до самых современных научных изысканий: политической лингвоконцептологии, политической коммуникативистики, политической журналистики, политической метафорологии, психополитики, президентской риторики, семиотических исследований политической сферы, дискурсивных исследований (стр. 26—32). Особую роль в изучении политической коммуникации автор монографии отводит методу дискурсивного анализа. Казалось бы, этому вопросу стоит уделить особое внимание, но логика данного исследования развивается иначе. А. Б. Бушев сосредоточивает внимание на описании культурного пространства, в котором живет человек эпохи

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Дзюба Е. В., Цыганкова А. В., 2016

глобализации и мультикультурализма, и обусловленных этим контекстом изменениях сознания современного человека. Исследователь подчеркивает, что результатом многочисленных преобразований в повседневной жизни, в системе образования, в сфере трудовых отношений и т. д. становится фрагментаризация картины мира, которая представляет собой сочетание глобального и локального, сочетание невежественности в фундаментальном и осведомленности в узких вопросах. Автор рецензируемого исследования не эксплицирует такой вывод, но этот вывод напрашивается сам: в такой ситуации, когда манипулятивные тактики, применяемые в политике, СМИ, торговле и т. д., стремительно совершенствуются, а уровень развития общекультурной компетентности и критического мышления среднестатистического гражданина современного мира падает, критический дискурс-анализ, попадающий в руки квалифицированного филолога, лингвиста или журналиста (т. е. интерпретатора), выполняет серьезную просветительскую функцию.

Обзор работ, посвященных дискурс-анализу, представлен в следующей части монографии (стр. 67—77). Однако заметим, что если взыскательный читатель пожелает найти в данном разделе подробное описание сущности критического дискурс-анализа, то он будет немало разочарован. Автор монографии ограничивается лишь перечислением дискурсивных исследований, отсылая к работам тех или иных авторов, но не сосредоточивает внимания на сущности ключевого вопроса, не описывает дискурсивных составляющих, не раскрывает методологии дискурс-анализа и не указывает, какой вклад каждый из упомянутых им специалистов вносит в развитие теории и методологии дискурсивного анализа. Более того, на наш взгляд, суть метода критического анализа представлена в работе достаточно поверхностно, ср.: «...дискурс представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявила социокультурные, идеологические, политические религиозные и прочие предпосылки организации высказывания» (стр. 71, авторская пунктуация сохранена). Иное определение дискурса в исследовании, к сожалению, найти не удалось. Наиболее близко к сути и значению критического дискурсивного анализа, какими они видятся нам, А. Б. Бушев приближается лишь на стр. 164 монографического исследования, когда рассуждает об эристике, хранящей пафос убеждения при отсутствии строгих аргументов: «Журнальная и массовая информация относится к видам словесности, где эристика

входит в конструкцию текста, являются одновременно по своему складу и ориентирующими для перехода к действию. Поэтому без знания законов построения этих текстов получатель безоружен перед эристикой. Риторическая подготовка заключается не только в воспитании хорошего оратора, но и сознательного слушателя. Широкая аудитория не должна быть лишена возможности оценить спекулятивность применяемых средств».

Вторая глава «Политика и экономика в глобальном медиадискурсе» посвящена аналитическому описанию манипулятивного потенциала некоторых языковых средств и риторических приемов, используемых в современных и зарубежных СМИ для формирования у массового потребителя заданного ими же стереотипа восприятия того или иного политического события или явления экономической жизни. Начинается глава с параграфа «Международный контекст деловой коммуникации» (п. 2.1., стр. 89—101), однако читатель оказывается в плену эффекта обманутого ожидания: автор предлагает не анализ собственно обозначенного в заглавии явления, а методические рекомендации для обучения студентов деловому английскому языку с использованием аутентичных материалов и специализированных сайтов, пространно рассуждая о методических вопросах электронного обучения английскому языку и повышения «онлайновой грамотности». Подобные исследовательские фортели, приводящие к жанровой и содержательно-тематической разногласии, также ожидают читателя в параграфах 2.6 и 2.7 (стр. 165—182).

Однако, абстрагируясь от указанных особенностей авторского идиостиля, затрудняющих восприятие содержания, сосредоточимся собственно на предлагаемом в работе анализе манипулятивных приемов. Одним из таких приемов, актуальных для экономического медиадискурса, А. Б. Бушев считает использование варваризмов из области микро- и макроэкономики, международного маркетинга, менеджмента, туризма, антикризисного управления, розничной торговли, финансов и т. д. (ср.: *инсайдер, мерчандайзинг, маржа, альянс, бенефиты, билборд* и под.). Исследователь, на наш взгляд, справедливо отмечает, что, с одной стороны, это «злоупотребление англоязычной терминологией может маскировать отсутствие самостоятельного мышления, усвоение истин извне, без критической оценки, пустоту речи...» (стр. 116), с другой стороны, может свидетельствовать о смене парадигмы экономического мышления, смене концептов, о возникновении нового менталитета в экономической сфере (стр. 120).

Серьезным манипулятивным потенциалом, по мнению автора монографии, обладают языковые средства и риторические приемы, позволяющие авторам политических текстов выдавать мнения за знания, формировать стереотипное восприятие явлений политической жизни. А. Б. Бушев широко цитирует те массмедиа, которые тиражировали банальные метафоры и аксиологические высказывания, представляющие, например, смерть Каддафи как *избавление народа от диктатора*, как *открытие дороги демократии* и т. п. Исследователь приводит многочисленные примеры языковых средств, направленных на формирование стереотипов восприятия (штампы, клише, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты, лексическая интерпретация, языковые оценочные коннотации, неясность терминов и др.; стр. 139—141), и в духе критического дискурс-анализа задается вопросами: *почему кровавого диктатора еще вчера принимали в самых прогрессивных столицах мира; почему этими СМИ не обсуждается, каковы социологические характеристики ливийского общества, каковы экономические параметры жизни, каков уровень гражданских и политических свобод; почему не упоминается, что произошло вмешательство во внутренние дела суверенного государства* и т. д. (стр. 137).

Перечисленные выше языковые и риторические приемы манипулирования и создания стереотипного восприятия автор исследования обнаруживает также в дискурсе протеста, дополняя этот список показательными примерами выражения оценки посредством языковой игры, ср.: *трепорттер, смеходержава, брехлама, словоние, дуривестник, голодообразующее предприятие* и под. Далее автор сосредоточивает внимание на описании оппозиционного дискурса постперестроечного времени и современности, подчеркивая конвергентность официальных СМИ и вытеснение СМИ, критически настроенных по отношению к действующей власти, на периферию, чаще в интернет-пространство (рассуждению о маргинализованном характере критического, протестного и оппозиционного, дискурса также будет посвящен параграф 3.3 рецензируемого исследования).

Неподдельный интерес читателя может вызвать параграф 2.8 монографии (стр. 183—196), посвященный изучению спин-докторинга как PR-технологии, нацеленной, как правило, на спасение имиджа политического деятеля. А. Б. Бушев с опорой на исследование доктора социологии Дункана Уоттса описывает пять типов спин-докто-

ринга: 1) *до-спин* — технологии, предполагающие идеологическую подготовку перед общественно значимым событием; 2) *после-спин* — технологии, нацеленные на наведение необходимого «блеска» на событие; 3) *торнадо-спин* — технология, нацеленная на эффект отвлечения внимания, перевода общественного интереса на другие события; 4) *спин-контрол* — технология, предполагающая менеджмент событий, выходящих из-под контроля; 5) *спин-даун* — технологии, предотвращающие дальнейший ущерб имиджу в условиях вышедших из-под контроля событий. Исследователь приводит интересные примеры из политической жизни разных стран, демонстрируя разнообразные проявления манипулятивного спин-докторинга. Так, описывая американский спин-докторинг во время афганской войны, А. Б. Бушев анализирует следующие приемы: *запоздывание негативной информации, неоднозначное информирование, увод внимания, параллельное наращивание выгодного негатива* и др. Например, прием намеренного неоднозначного информирования иллюстрируется ситуацией, когда *Дж. Буш, бомбя Афганистан, одновременно поздравлял исламский мир с Рамаданом* (стр. 189).

В последнем параграфе второй главы автор вновь возвращается к анализу языковых особенностей экономического дискурса с акцентом на его кризисный характер и выявляет так называемые «конституенты дискурса экономического кризиса», к которым относит «метафоры, эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие на неясность» (стр. 203).

Третья глава монографии посвящена изучению этнического и конфессионального медийного дискурса. В дискуссионном ключе автором освещается концепция европейской идентичности, выделяются специфические черты общеевропейского жизнеустройства, определяющие специфику и общеевропейского дискурса. Яркими примерами, иллюстрирующими искажение действительности средствами политического языка, насыщен следующий параграф данной главы, представляющий рассмотрение языковых и риторических особенностей дискурса постконфликтного урегулирования. Показательны, по мнению автора монографии, такие примеры: *бомбежки = хирургические удары, оккупированные земли = спорные территории, эскадроны смерти = элитные подразделения, убийства = точечная ликвидация, террористы = борцы за свободу* (стр. 227). Штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты,

языковые оценочные коннотации, неясность терминов — эти и другие языковые и риторические приемы (тактики дезинформации и пропаганды, опора на авторитеты, автоматизация и деавтоматизация и др.) свойственны также протестному дискурсу (стр. 234—256). А. Б. Бушев иллюстрирует эти положения многочисленными примерами из отечественных и зарубежных СМИ: «При описании политического протеста явственны эвфемизация и стереотипы. Показательна сама номинация события: *justice movement*, *протесты* или *беспорядки*, *вооруженные столкновения*. Характерна стигматизация участников беспорядков: *банды*, *мародеры* или *повстанцы*, *недовольные*, *демонстранты*, *отбросы общества* или *недопривилегированные слои*, *отвергнутые*, *униженные и оскорбленные*, *бездельники*, *подстрекатели*» (стр. 244).

Анализу конструктивной и деструктивной этноцентрированной коммуникации посвящен следующий параграф третьей главы (п. 3.4., стр. 257—270). А. Б. Бушев считает актуальным рассмотрение конкретных примеров религиозно-политического взаимодействия во всех мировых религиях, вовлекает в круг рассматриваемых проблем вопросы существования разных религиозно-политических режимов, подвергая анализу идеи исламского и православного фундаментализма, теории отождествления религии с нацией и т. д.

Уделяется внимание и украинскому кризису. Автор исследования приводит примеры языковых и риторических приемов, которые используются в русско- и англоязычных СМИ, предлагающих оценку свергнутого режима, нового руководства, военно-политической и экономической ситуации на Украине, распространения идей о сохранении территориальной целостности, о возможности/невозможности вооруженного вмешательства в украинский конфликт, о целесообразности/нецелесообразности введения санкций против России и т. д. Заключительные параграфы исследования (п. 3.5. — 3.11., стр. 288—372) посвящены критическому анализу межкультурного, миграционного и террористического дискурсов. Исследователь выявляет такие приемы манипулятивного воздействия, свойственные указанным дискурсам, как «модальные суппозиции» (предъявление спорных суждений «под соусом» «кажимо-сти»), эвфемизация и перифразирование (ср.: *антиглобализм*, *(анти)террористические действия*, *миротворчество*, *зачистка* и под.), использование клише и штампов для создания стереотипного восприятия, персонификация информации для усиления

воздействия, т. е. тиражирование в СМИ трагических индивидуальных историй (ср. случай с курдским мальчиком-мигрантом, тело которого было выброшено на берег Средиземного моря и под.), широкое использование оценочной лексики с заданной коннотацией (ср.: *опасный прецедент*, *рекордное количество мигрантов*, *справедливое распределение мигрантов между европейскими государствами*, *повстанцы*, *преступники*, *погромщики*, *трагедия*, *жертвы чудовищных пыток* и др.), употребление сложных в дефиниционном отношении терминов (ср.: *права человека*, *демократический режим*), использование приема противопоставления (ср. оппозиции «мы — они», «свои — чужие» для усиления воздействия) и т. д.

При богатстве интереснейшего материала, при убедительности многих аналитических и критических зарисовок, касающихся современного политического, экономического и межкультурного дискурса, монография не свободна, как, вероятно, любое столь масштабное исследование, от бросающихся в глаза недостатков. Обилие повторов целых фрагментов текста в разных, даже соседствующих параграфах вызывает у читателя вряд ли приятное ощущение *déjà vu*. Затрудняют восприятие (иногда существенно) логические, грамматические и пунктуационные ошибки, что, вероятно, объясняется отсутствием какой-либо корректуры — авторской и издательской (что, попутно заметим, удивительно для столь широко рекламирующего себя издательства).

Не способствует усвоению предлагаемой концепции отсутствие выводов по главам и заключения, которое должно было бы подвести итоги предпринятого масштабного исследования.

Каждая часть (если не каждый параграф монографии) является отдельным исследованием, при этом разделы нередко выполнены в разных жанрах: то в жанре рецензии на чью-либо работу (п. 2.7), то в жанре методических рекомендаций для преподавателей английского языка (п. 2.1) и межкультурной коммуникации (п. 3.4, отчасти 3.5), то в жанре научно-исследовательского сочинения. Более того, при знакомстве с достаточно объемным исследованием, к сожалению, не складывается впечатления о каком-либо приращении смысла по мере развития содержания. Выводы по разным частям исследования однотипны и часто формулируются одинаково. Вероятно, задачей автора был широкий охват, но не глубокое рассмотрение изучаемых явлений.

Вряд ли лингвокогнитологу и специалисту по лексической семантике будет близка

предлагаемая А. Б. Бушевым интерпретация некоторых терминов: метафора здесь понимается отнюдь не в когнитивном, но в прагматическом ключе, исключительно как стилистический прием, но не как когнитивный механизм познания, конструирования знания, что свойственно когнитивно-дискурсивному подходу. Но даже при понимании метафоры как приема стилистики она часто отождествляется автором исследования с перифразами и эвфемизмами, а это далеко не всегда одно и то же. Едва ли носителю классического филологического образования покажутся научно корректными такие выражения: *медийный функциональный стиль*

(стр. 83), *политический дискурс* — это *часто стиль информационный, функциональный стиль массовой коммуникации в газете* — *средство информации и средство убеждения* (стр. 146) и др.

В целом работа вызывает несомненный интерес, так как она содержит богатейший материал, весьма убедительные критические оценки современных русско- и англоязычных СМИ. Она, несомненно, имеет практическую значимость, так как может предоставить богатый иллюстративный материал для учебных курсов по журналистике, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистике и другим дисциплинам.

E. V. Dziuba, A. V. Tsyankova
Ekaterinburg, Russia

**POLITICAL, ECONOMIC, INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL DISCOURSES:
PRACTICE OF CRITICAL ANALYSIS OF MANIPULATIVE TACTICS IN THE GLOBAL MASS MEDIA**

ABSTRACT. *This is a review of the monograph "Global Mediadiscourse and Intercultural Communication" (Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. — 383 p.) by A.B. Bushuev. The subject of this monograph is the specificity of the texts in the global mass media, and the potential of the language and rhetoric means relevant to the following types of mediadiscourse: political (including electoral, protest, oppositional, terrorist and discourse of conflict accommodation), economic and intercultural (interethnic and interconfessional). According to A.B. Bushuev the main method to reveal the persuasive potential (manipulative in particular) of the strategies and tactics of the contemporary global mass media is critical discourse analysis. This method helped the author reveal the most frequent means having persuasive potential. Among them are "stereotypy" build by means of wide-spread stock-phrases, clichés, hackneyed metaphors and epithets, euphemisms and paraphrase aimed at moderating or intensification of evaluative connotation, the means of lexical interpretation, fogging of the meaning by means of vagueness or difficulty of the terms and special (especially economic) vocabulary and many others.*

KEYWORDS: *critical discourse analysis; mediadiscourse; language and rhetoric means of manipulation; political discourse; economic discourse; intercultural discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tsyankova Anna Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Methods of Teaching School Subjects in a Special (Correctional) School, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*